

DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-5-2

JEL Classification: F13, F14, F40

Нестабильность международной торговли и подходы к оптимальному регулированию

Е.Н. Смирнов¹, С.А. Лукьянов¹

¹ Государственный университет управления, г. Москва, РФ

Аннотация. Регулирование международной торговли рассматривается в качестве ключевой функции управления потоками товаров и услуг в международном обмене. Статья посвящена анализу основных вызовов в сфере развития и регулирования международной торговли, а также определению векторов нейтрализации структурных перекосов и дисбалансов в международном обмене. Методологическую основу исследования составили концепции управления внешнеэкономической деятельностью и положения теории международной торговли. Использованы методы анализа и синтеза, исторический и логический метод. Эмпирическая база охватывает данные статистики мировой торговли в разрезе двусторонних торговых потоков между ключевыми странами – участницами международного обмена. Авторская методика включает дескриптивную оценку нестандартных изменений в международной торговле и стресс-факторов в ее развитии под влиянием кризиса, а также учет степени надежности участников международного обмена. Доказано определяющее значение экономической глобализации в формировании дисбалансов и рисков усиления протекционизма в торговых отношениях между странами. Выявлено, что особое влияние пандемия оказала на экспортно ориентированные страны и на глобальные цепочки поставок, что делает воздействие текущего кризиса на международный обмен беспрецедентно инклюзивным. Сделан вывод о том, что начавшееся быстрое восстановление международной торговли не означает ее устойчивости в средне- и долгосрочной перспективе, поскольку сохраняется неопределенность и напряженность в регулировании внешней торговли со стороны крупнейших стран. Прогресс многостороннего регулирования мировой торговли был фактически уничтожен, что подтверждается возобновлением практики реализации дискриминационных мер между странами. Стратегии управления движением товаров в международной торговле в перспективе будут зависеть от глубины и эффективности мегарегиональных торговых соглашений, а также от перебалансировки торговли между ведущими игроками – США и Китаем.

Ключевые слова: государственное регулирование; управление внешнеэкономической деятельностью; протекционизм; торговый конфликт; Всемирная торговая организация (ВТО); торговые потоки; многостороннее регулирование.

Дата поступления статьи: 13 апреля 2021 г.

Ссылка для цитирования: Смирнов Е.Н., Лукьянов С.А. (2021). Нестабильность международной торговли и подходы к оптимальному регулированию // Управленец. Т. 12, №5. С. 21–31. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-5-2.

Instability of international trade and approaches to optimal regulation

Evgeny N. Smirnov¹, Sergey A. Lukyanov¹

¹ State University of Management, Moscow, Russia

Abstract. International trade regulation is viewed as a key function of managing the flow of goods and services in international exchange. The study analyses the primary challenges in the development and regulation of global trade and establishes the avenues for counteracting structural distortions and imbalances in international exchange. The methodological framework of the research includes the concept of foreign economic activity management and international trade theory. Analysis, synthesis, as well as historical and logical methods were used. The empirical base covers data from world trade statistics in the context of bilateral trade flows between key countries participating in international exchange. The authors propose their own methodology which is based on a descriptive assessment of atypical changes in international trade and stress factors in its development under the influence of the crisis, and takes into account the reliability of participants in international exchange. We prove that economic globalization has a decisive effect on the formation of imbalances and risks of a rise in protectionism in cross border trade. As shown in the research, the COVID-19 pandemic has exerted a special influence on export-oriented countries and global supply chains, which makes the impact of the current crisis on international exchange unprecedentedly inclusive. The current rapid recovery of global trade does not imply it being sustainable in the medium and long term, since foreign trade regulation in the key countries remains uncertain and strained. The progress of world trade multilateral regulation was virtually destroyed, as evidenced by the resumption of the discriminatory measures practice between countries. Strategies for managing the cross-border movement of goods will depend on the depth and effectiveness of mega-regional trade agreements, as well as on the rebalancing of trade between the leading players – the United States and China.

Keywords: government regulation; foreign economic activity management; protectionism; trade conflict; the World Trade Organization (WTO); trade flows; multilateral regulation.

Paper submitted: April 13, 2021

For citation: Smirnov E.N., Lukyanov S.A. (2021). Instability of international trade and approaches to optimal regulation. *Upravlenets – The Manager*, vol. 12, no. 5, pp. 21–31. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-5-2.

ВВЕДЕНИЕ

Международный обмен товарами и услугами претерпевает чрезвычайные и беспрецедентные изменения под влиянием текущего экономического кризиса, обусловленного пандемией коронавируса. После глобального кризиса 2008–2009 гг. равновесие мировой экономики уже было нарушено, и этот процесс отчасти детерминирован ростом скорости трансляции экономических спадов и кризисов [Атурин, Григорян, 2014, с. 67]. Более того, тренд экономической глобализации перестал быть доминирующим, а применительно к новой формирующейся концепции мировой торговли можно встретить термин «слоубализация» [Кириллов, Смирнов, 2019, с. 69], означающий резкое замедление международной торговли после 2010 г., ведомое усилением торгового протекционизма, ростом внутрирегиональной торговли и повышением роли преференциальных торговых соглашений (ПТС). Эти сдвиги увеличили фрагментацию международной торговли, которая негативно сказалась на глобальном экономическом росте.

Наращение протекционизма в международной торговле является ключевым вызовом для ее дальнейшего роста, что выражается в расширении применения защитных мер во внешней торговле, подробно описанных в научной литературе [Мога, 2018]. Однако протекционизм не следует считать исключительно результатом усиления торговой напряженности между странами – мы рассматриваем его также как следствие эрозии различных направлений внешнеэкономической (в частности, торговой) политики государств [Смирнов, Лукьянов, 2019, с. 44], когда снижается эффективность многостороннего регулирования международного обмена на межгосударственном уровне.

Следует также учитывать всеобъемлющую трансформацию международной торговли под влиянием цифровых технологий, изменяющих экспортоориентированные стратегии, динамику внешнеторговых операций [Стрелкова, Стрелков, 2019, с. 295] и традиционные подходы к управлению потоками товаров и услуг в международной торговле. Исследователи отмечают резкое возрастание роли глобальных цифровых платформ в международном обмене [Соснов, Пасько, 2020, с. 67]. В целом цифровая трансформация мировой экономики создает новые вызовы для управления международными торговыми потоками и формирования многосторонних подходов к их регулированию.

Обзор специальной литературы показал, что в последние годы уделялось значительное внимание торговым дисбалансам, а также последствиям протекционизма в международной торговле [Сиñat, Zymek, 2019], который изучался с точки зрения его отрицательного воздействия на благосостояние [Amiti et al., 2019; Fajgelbaum et al., 2020], а также в рамках неокейнсианской модели [Erceg et al., 2018]. Большинство ученых

полагают, что многосторонние торговые дисбалансы, связанные с изменениями в инвестициях и сбережениях, слабо зависят от торговой политики и тарифов, что было подтверждено эмпирически [Furceri et al., 2018] и при помощи модели небольшой открытой экономики [Barattieri et al., 2018]. В одном из последних исследований эмпирическим путем изучались причины недавнего роста протекционизма в рамках торговой политики Д. Трампа, при этом акцентировалась роль различных торговых дисбалансов, изученных ранее на отрезке начиная с 2009 г. [Evenett et al., 2020]. Оказалось, что протекционистские атаки США, особенно в отношении стран с большим профицитом в торговле с США (прежде всего Китая), начались еще до начала президентства Д. Трампа.

Вместе с тем широкий спектр зарубежных и отечественных исследований международной торговли не позволяет адекватно и объективно оценивать те вызовы и риски, которые складываются в сфере развития и регулирования международного обмена на современном этапе.

Целью исследования стал анализ динамики развития международной торговли в контексте противоречий современного глобального кризиса, который постепенно приводит к качественной реконструкции глобальной торговли и системы ее национального и многостороннего регулирования.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Нынешний глобальный экономический кризис повлек за собой неопределенность в отношении дальнейшего развития международной торговли. Прежде для ее прогнозирования использовалось уравнение гравитации [Anderson, 2003; Yotov, Olivero, 2012; Anderson et al., 2020], которое было применимо в условиях специфичности и локальности торговых шоков для страны. Стандартные гравитационные модели традиционно объясняли пропорции и дисбалансы во взаимной торговле стран [Anderson, 1979; Anderson, Van Wincoop, 2003; Costinot, Rodríguez-Clare, 2014; Head, Mayer, 2014]. Некоторые исследователи и сейчас применяют эти модели для анализа вариации пропорциональных дисбалансов между торговыми партнерами [Сиñat, Zymek, 2020]. Однако в условиях, когда торговые шоки являются глобальными, корректировка торговых потоков происходит быстрее и стандартное уравнение гравитации сложно использовать как инструмент прогнозирования.

В некоторых трудах отмечается воздействие гравитационных факторов на состояние торгового баланса [Сиñat, Zymek, 2020]. Интересным представляется вывод о том, что чем больше различия в фискальной политике двух стран, тем в большей степени они склонны к торговому конфликту. Кроме того, факторами

усиления пропорционального дисбаланса в двусторонней торговле могут служить: а) чистая экспортная позиция страны (например, наличие совокупного профицита в торговле Китая и дефицита в торговле США); б) различия в структуре производства и расходах в разных странах (когда, например, потребители США предпочитают товары из Германии, а потребители из Германии – товары из Нидерландов, и такая «трехсторонняя» торговля формирует двусторонние дисбалансы). С учетом этого можно сделать вывод о незначительном влиянии вводимых тарифов на дефицит в торговле США и Китая.

В целом современные международные торговые потоки отличаются несбалансированностью, нестабильностью и фрагментированностью в рамках оффшорных глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС). В прежних исследованиях мы уже отмечали рост уязвимости международной торговли и ГЦСС в условиях пандемии [Смирнов, 2021, с. 16]. На этом фоне риски протекционизма повышаются, и качественными предикторами протекционистских атак являются дисбалансы в торговле США с зарубежными странами. Эта ситуация сохранится в ближайшие годы, причем в исследовательских работах уже имеются надежные доказательства данной связи [Delpeuch et al., 2021].

Общепризнано, что фискальная политика также играет свою роль в усилении торгового протекционизма. Появилось немало исследований, посвященных анализу влияния фискальной политики на торговые дисбалансы [Bussiere et al., 2010; Monacelli, Perotti, 2010; Bluedorn, Leigh, 2011]. Эксперты Международного валютного фонда (МВФ), например, указывают, что жесткость фискальной налогово-бюджетной политики Германии является детерминантой ее большого профицита во внешней торговле, а в США – фактором торгового дефицита (так называемая гипотеза о «двойном дефиците»)¹.

Новый, нестандартный подход в исследованиях, посвященных анализу международной торговли, базируется на представлении, что у стран при постоянной взаимной торговле формируются привычки в предпочтениях, которые развиваются за счет общих ценностей, институтов, истории, связей. Аналогично транснациональные компании (ТНК) предпочитают вести дела с надежными зарубежными поставщиками, и договорные обязательства на основе прочных связей с ними являются мощным фактором сохранения потоков международной торговли. Однако, как утверждают исследователи, различия в привычках стран ведут и к различиям в темпах их торговли, следствием чего становятся временные или длительные торговые дисбалансы в отдельных странах [Comunale, Dainauskas, Lastauskas, 2021a]. Эти дисбалансы влияют на склонность стран к торговле, коррелирующей с за-

рубежным спросом и предложением, и в одной из публикаций указывается, что рост протекционизма является основным механизмом связи между торговыми потоками и дисбалансами [Delpeuch et al., 2021]. Таким образом, имеет место прямая передача глобальных шоков в двустороннюю торговлю по мере восстановления международной торговли в целом.

Более того, если глобализация привела к увеличению дисбалансов в международной торговле, то она также может стать источником протекционистских сил, могущих тормозить глобализацию. Часто дисбалансы в международной торговле способны формировать дефицит спроса или вести к накоплению внешнего долга, что будет обострять напряженность в торговле. Наконец, рассматривая причины синхронизированных, но неравных торговых потоков между странами в условиях пандемии коронавируса, можно утверждать, что менее интегрированные страны, ориентированные на экспорт, больше всего сталкиваются с нарушением торговых потоков в результате глобальных торговых шоков. В то же время экономика более интегрированных стран – импортеров промежуточных ресурсов испытывает меньший спад и восстанавливается быстрее.

НЕСТАНДАРТНЫЕ СДВИГИ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

Анализ статистики международной торговли в условиях нынешнего кризиса позволил нам установить некоторые неоднозначные тенденции. Так, в первой половине 2020 г. наблюдалось большее снижение мирового валового внутреннего продукта (ВВП), чем международной торговли. Спад торговли в целом был аналогичен тому спаду, который фиксировался в период глобальной рецессии 2008–2009 гг. Однако контекст нынешнего снижения отличается, поскольку совокупное снижение торговли ожидается в два раза более сильным, чем ВВП, тогда как в 2009 г. падение международной торговли было сильнее падения ВВП в шесть раз. Такие различия обусловлены тем, что карантинные ограничения снизили предложение в экономике, сократив занятость и производство в секторах, традиционно более устойчивых к колебаниям экономического цикла. В свою очередь, жесткая налогово-бюджетная и денежно-кредитная политика способствовала росту доходов, стимулируя быстрое восстановление импорта и потребления после ослабления или снятия ограничений.

Соотношение динамики международной торговли и мирового ВВП, наблюдавшееся в последние годы, представлено на рис. 1. Поскольку в 2019 г. рост международной торговли был вялым, ожидалось ее восстановление в 2020 г. Однако эти надежды были перечеркнуты всеохватной пандемией коронавируса, ставшей крупнейшим потрясением для международного обмена со времен Второй мировой войны.

¹ IMF (2020). World Economic Outlook 2020: A Long and Difficult Ascent. International Monetary Fund (IMF), Wash., DC. P. 136–138.

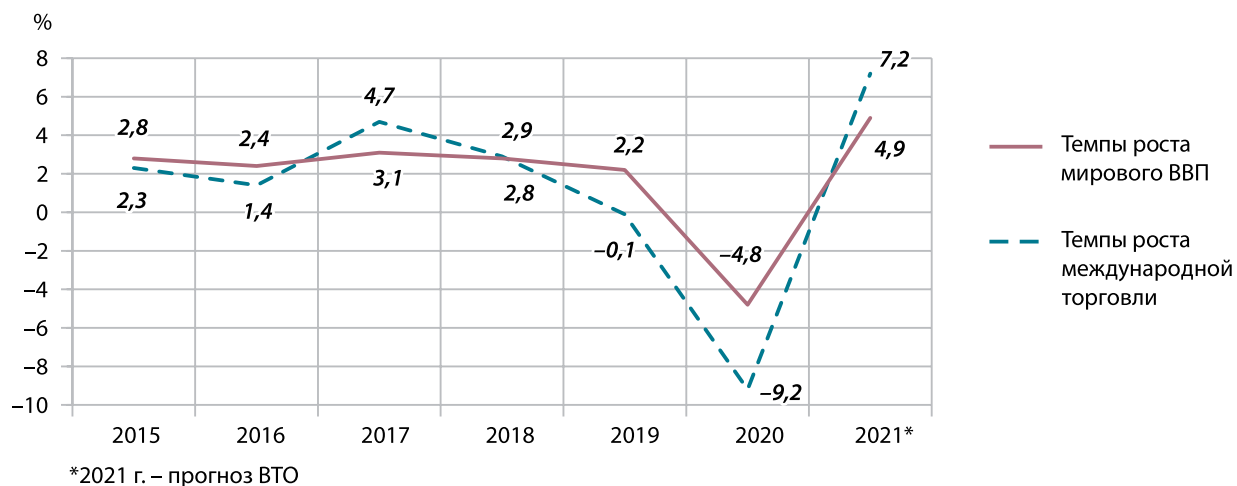

Рис. 1. Соотношение динамики международной торговли и ВВП, % к предыдущему году¹
 Fig. 1. Dynamics of international trade and GDP, % to the previous year

Кризис COVID-19 – крупнейший глобальный кризис здравоохранения, триггер шоков на стороне спроса и предложения, приведший к глобальной рецессии, уменьшению спроса на импорт и сокращению экспортного потенциала всех стран мира. Снижение мировой торговли, по оценке ВТО, составило 9,2 %², однако наблюдается восстановление торговли товарами и опережающее восстановление торговли услугами, поскольку в последнем случае важным параметром является продолжающаяся депрессия международно-туризма.

Всемирная торговая организация (ВТО) ожидает серьезного роста международной торговли в 2021 г., что касается всех регионов. Мы, однако, считаем, что положительные изменения в этой сфере будут во многом зависеть от кривой пандемии, обусловленной эффективностью программ массовой вакцинации, глобальное влияние которых на мировую экономику проявится, скорее, к концу 2021 г., когда коллективным иммунитетом будет охвачено хотя бы 60 % населения.

Эмпирические оценки доказывают статистически значимое негативное воздействие пандемии коронавируса на двусторонние торговые потоки между странами, сохраняющееся с марта 2020 г. [Brodzicki, 2021]. Это воздействие проявляется в перебоях с поставками, создающих барьеры для развития производства, а также в росте транспортных издержек ввиду усложнения правил торговли и эффектов в рамках ГЦСС, нормальное функционирование которых обеспечивается импортными ресурсами. Значимым является также

снижение совокупного спроса по причине глобальной рецессии и отложенных инвестиций и покупок. В большей степени от пандемии пострадали страны экспортно ориентированные и зависящие от импорта, а также страны, вовлеченные в ГЦСС, центрами которых являются Германия, Италия, Испания и Китай.

Снижение объемов экспорта стран в кризисный период было синхронизированным, но крайне неоднородным – от 4,5 % в Азии до 14,7 % в США, что напоминает ситуацию глобального кризиса 2008–2009 гг., когда глобальный ВВП и экспорт упали на 1 и 10 % соответственно, а падение экспорта по странам также было резким и синхронизированным (подробнее см.: [Baldwin, 2009; Alessandria et al., 2010; Baldwin, 2020]). Начавшееся восстановление торговли также было неоднородным, поскольку быстрее всего увеличивалась торговля стран БРИКС и других развивающихся стран, а несколько позднее – развитых экономик. Наконец, следует отметить большую нестабильность стоимости международной торговли, чем дохода от нее. Указанные обстоятельства демонстрируют так называемую «головоломку устойчивой избыточной торговли» [Comunale, Dainauskas, Lastauskas, 2021b, p. 2].

Как снижение, так и восстановление международной торговли в 2020–2021 гг. были более быстрыми, чем в период кризиса 2008–2009 гг. Необычный характер нынешней рецессии изменил модели потребления, и произошло некоторое замещение спроса услуг на спрос продукции отраслей обрабатывающей промышленности. Некоторые исследователи указывают, что частично восстановлению мировой торговли товарами способствовало сохранение устойчивости ряда ГЦСС [Hyun et al., 2020]. Вместе с тем не стоит забывать, что в 2009–2019 гг. интенсивность международной торговли в целом обеспечивалась преимущественно масштабным ростом торговли услугами, поэтому пока она не восстановится, динамика международного об-

¹ Составлено по данным: WTO (2020). Trade shows signs of rebound from COVID-19, recovery still uncertain. WTO. October 6. https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr862_e.htm.

² WTO (2020). Trade shows signs of rebound from COVID-19, recovery still uncertain. WTO. October 6. https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr862_e.htm.

мена будет оставаться вялой. Негативным фактором является также сохраняющаяся напряженность и неопределенность торговой политики стран, даже с учетом принятия новых межстрановых торговых соглашений, таких как Соглашение о всестороннем региональном экономическом партнерстве (Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP)). Прогресс так называемых «глубоких» торговых соглашений, которые способствовали бы углублению экономической интеграции, остается незначительным, несмотря на то, что в целом в 1950–2019 гг. число различных преференциальных торговых соглашений (ПТС) между странами возросло с 50 до 300 [Mattoo et al., 2020, p. 3].

Сохранение и усиление торгового конфликта между крупнейшими участниками международной торговли – США и Китаем – также продолжает играть негативную роль. В 2019 г. правительством США были анонсированы новые договоренности, предполагающие переквалификацию торговых отношений с Китаем [Lynch, 2020], поскольку дефицит в их торговле по сравнению с другими странами существенно выделялся в последние годы. Также следует учитывать, что США имеют традиционно большой дефицит в торговле с Германией, Японией, Мексикой и Канадой, а незначительный профицит характерен для торговли США с такими партнерами, как Бразилия, Нидерланды и Франция. В целом, согласно данным Бюро экономического анализа США¹, в 2019–2020 гг. наблюдался рост дефицита внешней торговли США с 576,9 до 678,7 млрд долл. (или с 2,7 до 3,2 % ВВП). Высокий уровень дефицита в торговле с Китаем обусловлен большими взаимными торговыми потоками относительно ВВП США, что объясняется склонностью стран к торговле со странами более крупными (Китай, Германия, Япония) либо близкими расположенными к США (Канада, Мексика).

С целью смягчения негативных последствий глобального кризиса рядом стран были приняты беспрецедентные меры, что привело к развитию кризиса по W-образному сценарию в противовес рассматривавшейся ранее V-образной форме, для которой характерен сильный спад. Однако влияние пандемии на международную торговлю уже не окажется краткосрочным и, скорее всего, будут наблюдаться серьезные корректировки моделей торговли (так называемые «эффекты отклонения торговли»).

НАРАСТАНИЕ РИСКОВ ПРОТЕКЦИОНИЗМА И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

Степень устойчивости восстановления экономики и международной торговли в ближайшие годы зависит от занятости и темпов инвестиций, которые могут быть подорваны новыми вспышками эпидемии и соот-

ветствующими карантинными ограничениями. Темпы роста ВВП и международной торговли в долгосрочной перспективе будут также зависеть от динамики государственного долга, рост которого маловероятен в развитых странах ввиду возможностей бюджетной экспансии, но вполне реален в наименее развитых странах, в том числе за счет роста расходов, отрицательно влияющих на торговый баланс, снижая сбережения и увеличивая торговый дефицит.

Международная экономическая интеграция последних лет во многом способствовала решению глобальной проблемы бедности и сокращению неравенства доходов после Второй мировой войны. В последние годы экономические отношения между странами становятся все более спорными, обостряются торговые конфликты, и это создает риск фрагментации сложившихся международных экономических отношений, роста издержек для бизнеса, а также снижения производительности. В свою очередь, для замедления распространения пандемии между странами вводятся новые торговые и пограничные ограничения, часть которых может сохраниться и после кризиса. Таким образом, нарастание эрозии международного экономического сотрудничества снижает возможности стран по решению актуальных проблем транснационального характера (например, глобальной бедности, изменения климата и кризисов в сфере общественного здравоохранения). Свертывание процессов экономической интеграции особо пагубно для экспортно ориентированных экономик, а сами стратегии экспортно ориентированного развития утрачивают свою былую эффективность на фоне ослабления международной торговли.

В ближайшее время на развитие международной торговли значительное влияние окажет прогресс в развитии торговых соглашений между странами. К ним относится, в частности, упоминавшееся выше Соглашение о всестороннем региональном экономическом партнерстве, подписанное в ноябре 2020 г. и углубляющее свободную торговлю Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) с Южной Кореей, Японией и Китаем (АСЕАН + 3). После ратификации RCEP оно станет крупнейшим в мире среди региональных торговых соглашений: на участвующие в нем страны придется порядка 30 % мирового ВВП и населения мира. Это соглашение важно также в том контексте, что экономики данных стран лучше других справились с пандемией коронавируса. Поэтому следует ожидать усиления экономической активности региона, что может стать ключевой детерминантой постпандемического восстановления мировой экономики. Вероятно, доминирование ВТО ввиду заключения такого мегарегионального торгового соглашения будет ослабляться. Новая администрация США, по всей видимости, в отличие от подходов Д. Трампа, будет ориентироваться на более многостороннюю и широкую торговую по-

¹ BEA (2021). 2020 Trade Gap is \$678.7 Billion. U.S. Bureau of Economic Analysis (BEA), February 06. <https://www.bea.gov/news/blog/2021-02-05/2020-trade-gap-6787-billion>.

литику, однако напряженность в отношениях с Китаем сохранится. С учетом появления RCEP США станут в большей степени ориентироваться на торговлю с Азией, и в целом неопределенность торговой политики США снизится. Вместе с тем неопределенность остается в торговой политике Германии в связи с предстоящими выборами осенью 2021 г. Кроме того, негативное воздействие на международную торговлю продолжают оказывать нерешенные конфликты между Арменией и Азербайджаном, а также между Россией и Украиной.

Важным аспектом нашего анализа является оценка прогнозов международной торговли. К таким прогнозам необходимо относиться со значительной степенью осторожности. Так, Индекс неопределенности глобальной экономической политики (Index of Global Economic Policy Uncertainty) в 2020 г. находился на одном из самых высоких уровней в истории, хотя в последние месяцы он имеет тенденцию к снижению¹. Со стороны ВТО также имелось несколько вариантов обновленных прогнозов, и каждый последующий указывал на все более медленное восстановление международного обмена, однако справедливо предполагалось, что Азия будет испытывать наименьшее снижение темпов роста объемов торговли (в основном за счет Китая). Оптимистичный сценарий ВТО, выдвинутый в апреле 2020 г., предполагал снижение международной торговли товарами мирового ВВП на 12,9 и 2,5 % соответственно, а пессимистичный – на 31,9 и 8,8 %. Данные по международной торговле за 2020 г. показывают, что она развивалась даже лучше, чем по оптимистичному сценарию.

В условиях пандемии возросла также неопределенность в торговле, поскольку произошло серьезное снижение потребительского спроса (в частности, в специальной литературе приводится пример о снижении продаж автомобилей в США и странах ЕС на 47 и 78 % соответственно)². В данной связи хорошим индикатором является динамика индекса новых экспортных заказов, который рассчитывается на базе индексов менеджеров по закупкам: этот показатель упал до 27,3, что ниже предыдущего минимума (30,6), зарегистрированного в конце 2008 г.

Отметим, что ВТО в своих прогнозах не связывает снижение международной торговли с ограничительными мерами в отношении торговли в период пандемии. Так, по оценкам ВТО, 65 из 93 мер торговой политики, введенных странами с начала пандемии, способствовали скорее развитию торговли, чем ее ограничению³. Вместе с тем самый серьезный риск

постпандемического развития мировой экономики – усиление тенденций протекционизма как направления внешнеторговой политики, и в данном контексте неопределенной представляется эффективность механизмов ВТО по регулированию международной торговли. В частности, в последние годы растет число заключенных преференциальных торговых соглашений (ПТС) на двустороннем/региональном уровне, являющихся, по существу, дискриминационными, поскольку режим либерализации торговли применяется исключительно по отношению к участникам таких соглашений. На базе ПТС часто обсуждаются вопросы, не рассматриваемые ВТО и выходящие за рамки его компетенции. В то же время ПТС не способны устранить искажения в торговой политике, возникающие вследствие влияния инвестиционных стимулов, промышленной политики и субсидий на рынки третьих стран.

Стресс международной торговли и системы ее регулирования происходит преимущественно ввиду постоянного роста дискриминационных мер, используемых для стимулирования экспорта. Более половины таких мер, примененных в 2009–2018 гг., по оценке С. Эвенетта, являлись той или иной формой субсидирования [Evenett, 2019]. В период пандемии, отмечает Б. Хоэман, проявилось фактическое бездействие ВТО в части урегулирования межстрановых торговых конфликтов и снятия торговой напряженности вследствие быстрого увеличения зарубежных инвестиций и экспорта компаний Китая [Hoekman, 2020, p. 338]. Односторонние ограничения на экспорт, введенные странами, создают негативные эффекты для ответа глобального предложения на резкий рост спроса, а также нарушают ГЦСС. Б. Хоэман отмечал ранее, что модель управления ВТО, предполагающая принятие решений на основе консенсуса, а также нарастание противоречий между развитыми и развивающимися странами, возможно, снизила эффективность ВТО как платформы для многостороннего сотрудничества [Hoekman, 2019].

В период с октября 2019 г. по май 2020 г. странами G20 было применено 150 новых мер торговой политики, из которых 95 содействовали ей, а 59 – ограничивали. На раннем этапе пандемии большинство ограничений (около 90 %) касались в основном экспорта. За этот период ограничениями был охвачен объем импорта в размере 1,18 трлн долл. (в том числе 736 млрд долл. импорта охвачено мерами содействия торговле и 418 млрд долл. – ограничительными мерами)⁴. Приведенная на рис. 2 динамика характеризует объем международной торговли, охваченный мерами по упрощению импорта с конца 2014 г. по июнь 2020 г., и показывает, что в июне 2020 г. страны были более активны в применении мер, содействующих импор-

¹ Economic Policy Uncertainty Index. <https://www.policyuncertainty.com/>.

² WTO (2020). Report on G20 Trade Measures (Mid-October 2019 to Mid-May 2020). World Trade Organization, New York & Geneva, June 29. P. 22.

³ Ibid. P. 32.

⁴ WTO (2020). Report on G20 Trade Measures (Mid-October 2019 to Mid-May 2020). World Trade Organization, New York & Geneva, June 29. P. 2, 25.

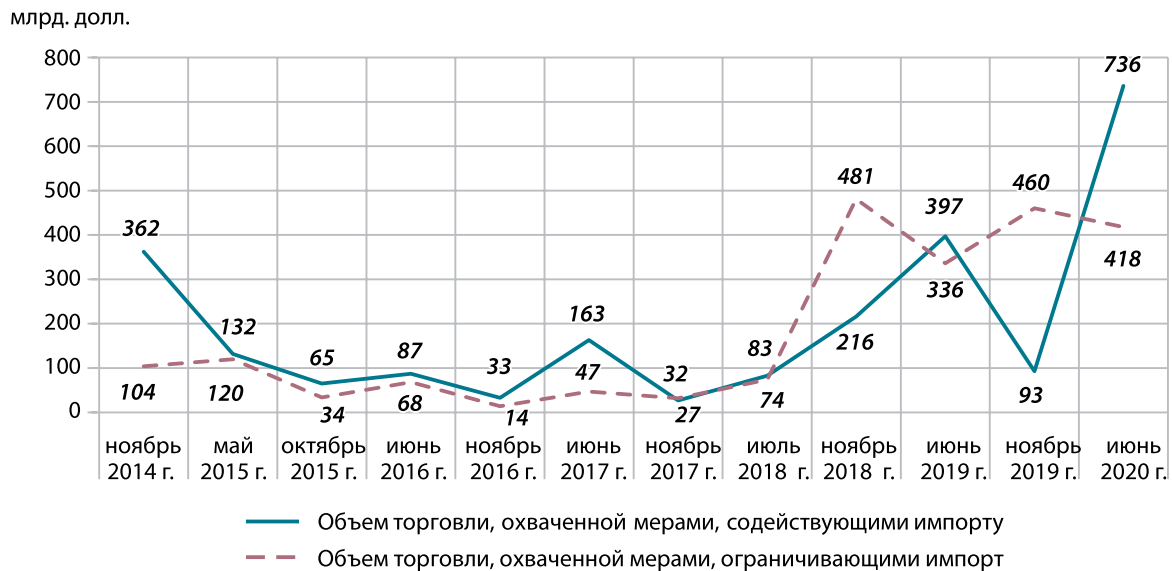

Рис. 2. Динамика объема международной торговли, охваченной мерами по содействию импорту, и мерами, ограничивающими импорт, в 2014–2020 гг., млрд долл.¹

Fig. 2. Dynamics of the volume of international trade covered by import promotion measures and import restrictive measures in 2014–2020, billion US dollars

ту. Таким образом, налицо их стремление обеспечить свою экономическую безопасность (например, продовольственную), а также поставки в рамках ГЦСС в условиях ослабления торговых потоков вследствие карантинных ограничений. В то же время отмечается повышенное использование мер, ограничивающих импорт, которое, кстати, наблюдалось и до пандемии и было отчасти обусловлено нарастанием торгового протекционизма в мире ввиду торгового конфликта между США и Китаем. При этом в июне 2020 г. фиксируется превышение объема международной торговли, охваченной ограничительными мерами, по сравнению с торговыми потоками, охваченными мерами содействия.

В целом объем импорта, охваченный ограничительными мерами, возрос кумулятивно в 2009–2019 гг. с 68 млрд долл. до 1,57 трлн долл. (с 0,7 до 10,3 % импорта стран G20), при этом наиболее интенсивный прирост импорта, охваченного ограничениями, наблюдался в 2017–2019 гг. (с 724 до 1568 млрд долл., т. е. более чем в два раза).

Текущий кризис демонстрирует обострение проблем применения надежного инструментария регулирования международной торговли, и этот вопрос частично связан не только с необходимостью решения взаимных конфликтов, но и с реформированием многостороннего регулирования в рамках ВТО. В последние годы ВТО постепенно переходит к недискриминационному подходу в принятии решений, отказавшись от практики консенсуса и обратившись к многосторонним так называемым «совместным инициативам», а также к плюрилатеральным соглашениям

(ПС), позволяющим членам ВТО сотрудничать без дискриминации стран, которые в этих соглашениях не участвуют. Такой подход позволяет идентифицировать передовые практики в сферах, представляющих общий интерес. В то же время пандемия коронавируса показала проблемы применения ПС: так, например, США и ЕС не поддержали инициативы азиатских стран по воздержанию от экспортных ограничений, и развитые страны установили контроль над поставками медицинской продукции.

Имеется много новых инициатив, которые должны быть предприняты на уровне ВТО. Эти инициативы касаются, в частности, многостороннего сотрудничества по поддержке ГЦСС (по важнейшим товарам) и по международной торговле вакцинами, а также использования торговых ограничений во время кризиса здравоохранения. Примечательно, что программы субсидирования, упомянутые нами ранее, после 2020 г. значительно расширяются, и многие из субсидий являются конкретными, что будет оказывать существенное воздействие на условия международной конкуренции. Такой автономный подход отдельных стран мотивируется их соображениями по поводу развития цифровой экономики, национальной промышленной и инновационной политикой, а также новыми подходами к налогообложению цифровых компаний, требованиями по локализации данных и актуальностью регулирования их конфиденциальности. Эти идеи стран мира не нуждаются в согласии всех членов ВТО, однако на многостороннем уровне необходимо стремиться к устранению сбоев глобального рынка и искажению условий международной конкуренции.

Вместе с тем мы солидарны с мнением о необходимости продолжения работы над реформой ВТО для повышения прозрачности ее деятельности [Wolfe, 2018,

¹ Составлено по: WTO (2020). Report on G20 Trade Measures (Mid-October 2019 to Mid-May 2020). World Trade Organization, New York & Geneva, June 29. P. 5, 6.

р. 18]. Так, одна из проблем заключается в том, что о многих мерах торговой политики, принятых странами во время пандемии, ВТО не была уведомлена, что уже является грубейшим нарушением. Также необходимо стремиться, чтобы страны-члены информировали ВТО о применяемых мерах стимулирования инвестиций, субсидирования, ограничения торговли услугами и мер, принимаемых в отношении трансграничных потоков данных. Кроме того, полномочия Секретариата ВТО в части анализа глобальных последствий политики стран, изменяющей условия международной конкуренции на рынках, должны быть расширены. Наконец, следует взять курс на восстановление эффективной системы урегулирования споров в рамках ВТО, которое, как указывают эксперты, невозможно без активизации функций ВТО по прозрачности и ведению переговоров [Hoekman, Mavrodīs, 2021].

Усугубляющееся неравенство, слабый экономический рост, снижение доходов домохозяйств, нестабильность внутренних цен становятся важными детерминантами социальной дестабилизации и нарастания гражданских беспорядков в ряде стран и регионов. Вместе с тем накопленный в мире опыт борьбы с коронавирусом может ознаменовать новую эпоху многостороннего сотрудничества, следствием которого станет развитие стабильной и открытой глобальной торговой системы, рост международной торговли и иностранных инвестиций и восстановление темпов экономического роста. Лишь на такой основе возможно появление и развитие новых долговечных и эффективных бизнес-моделей, способствующих росту производительности, который в комбинации со всплеском мирового спроса может смягчить долгосрочные негативные последствия пандемии для международной торговли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование выявило, что дисбалансы в современной международной торговле формируются быстрее, чем ранее, и дестабилизация торговых отношений между странами противоречит тем устойчиво положительным трендам, которые формировались на протяжении десятилетий. В этих условиях торговый протекционизм стал не тенденцией, а ключевой детерминантой обострения торговых конфликтов между странами, делая международный обмен все более

фрагментированным. Значение фактора надежности участников торговых отношений и договорных обязательств существенно снизилось, что приводит к усилению напряженности в международной торговле, которая, в свою очередь, негативно влияет на всю сложившуюся систему глобальных прямых инвестиций и цепочек поставок.

В результате карантинных ограничений, введенных для преодоления пандемии коронавируса, торговые потоки между странами быстро снижались, но так же резко восстанавливались ввиду беспрецедентных мер поддержки экономики, принятых многими странами. Вместе с тем восстановление международной торговли услугами происходит более болезненно, чем восстановление товарной торговли. Кроме того, нами установлено синхронизированное и весьма неоднородное снижение и восстановление экспорта стран, что обуславливает не только новую расстановку сил в международных экономических отношениях, но и изменение моделей потребления.

В сложившихся условиях актуализируются многие управленческие проблемы, связанные с устойчивым развитием международной торговли. В частности, неопределенность многосторонней торговой политики, нараставшая в предкризисный период, усугубляется нерешенностью проблем реализации преференциальных торговых соглашений с глубоким уровнем интеграции. Это порождает необходимость концептуального переосмысления процессов регулирования международной торговли, качество и прогресс которой будут серьезно дифференцированы в региональном разрезе.

В свою очередь, факторами дальнейшего углубления протекционизма в международной торговле станут новые волны дискриминационных ограничений стран по отношению к импорту (этих мер значительно больше, чем мер содействия торговле), и механизм урегулирования ВТО окажется неэффективен. Назрела необходимость формирования новой системы многостороннего регулирования международной торговли, учитывающей разные практики и правила торговой политики, применявшиеся странами в период пандемии. Кроме того, имеется острая необходимость в реформировании ВТО, которое придаст новый импульс повышению устойчивости ГЦСС и международной торговли в целом. ■

Источники

- Атурин В.В., Григорян К.Г. (2014). Кризис экономической науки и интересы государства в условиях финансово-экономической глобализации // Вестник университета. № 21. С. 67–70.
- Кириллов В.Н., Смирнов Е.Н. (2019). Траектория устойчивого роста или очередная разбалансировка механизмов мировой экономики // Вестник МГИМО-Университета. Т. 12, № 5. С. 64–90. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-5-68-64-90>.
- Мога И.С. (2018). Особенности применения защитных мер в РФ в рамках членства в ВТО и ЕАЭС // Экономика и предпринимательство. № 10 (99). С. 151–154.

- Смирнов Е.Н. (2021). Постпандемические эффекты для развития международной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. № 2. С. 7–20.
- Смирнов Е.Н., Лукьянов С.А. (2019). Оценка трансформирующего воздействия глобальных цепочек создания стоимости на международную торговлю // Управленец. Т. 10, № 3. С. 36–46. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-3-4.
- Соснов Ф.Г., Пасько А.В. (2020). Онлайн-платформы в системе современной международной цифровой торговли // E-management. № 2. С. 63–69.
- Стрелкова И.А., Стрелков А.В. (2019). Влияние цифровых технологий на динамику международной торговли // Экономика устойчивого развития. № 4 (40). С. 292–296.
- Alessandria G., Kaboski J.P., Midrigan V. (2010). The great trade collapse of 2008–09: An inventory adjustment? *IMF Economic Review*, vol. 58, no. 2, pp. 254–294.
- Amiti M., Redding S.J., Weinstein D. (2019). The impact of the 2018 trade war on U.S. Prices and Welfare. *NBER Technical Report*. DOI: 10.3386/w25672.
- Anderson J.E. (1979). A theoretical foundation for the gravity equation. *American Economic Review*, vol. 69, no. 1, pp. 106–116.
- Anderson J.E., Larch M., Yotov Y.V. (2020). Transitional growth and trade with frictions: A structural estimation framework. *The Economic Journal*, vol. 130(630), pp. 1583–1607.
- Anderson J.E., Van Wincoop E. (2003). Gravity with gravitas: A solution to the border puzzle. *American Economic Review*, vol. 93, no. 1, pp. 170–192.
- Baldwin R. (2009). The Great Trade Collapse: What caused it and what does it mean? VoxEU.org, November 27. <https://voxeu.org/article/great-trade-collapse-what-caused-it-and-what-does-it-mean>.
- Baldwin R. (2020). The Greater Trade Collapse of 2020: Learnings from the 2008–09 Great Trade Collapse. VoxEU.org, April 07. <https://voxeu.org/article/greater-trade-collapse-2020>.
- Barattieri A., Cacciato M., Ghironi F. (2018). Protectionism and the business cycle. *NBER Working Paper* No. 24353.
- Bluedorn J., Leigh D. (2011). Revisiting the twin deficits hypothesis: The effect of fiscal consolidation on the current account. *IMF Economic Review*, vol. 11, no. 59, pp. 582–602.
- Brodzicki R. (2021). Global Trade Outlook for 2021. HIS Markit, February 03. <https://ihsmarkit.com/research-analysis/global-trade-outlook-for-2021.html>.
- Bussiere M., Fratzscher M., Muller G.J. (2010). Productivity shocks, budget deficits and the current account. *Journal of International Money and Finance*, vol. 29, no. 8, pp. 1562–1579.
- Comunale M., Dainauskas J., Lastauskas P. (2021a). Supply chains and trade flows volatility in the face of global shocks. VoxEU, March 09. <https://voxeu.org/article/supply-chains-and-trade-flows-volatility-face-global-shocks>.
- Comunale M., Dainauskas J., Lastauskas P. (2021b). What explains excess trade persistence?: A Theory of Habits in the Supply Chains. *CAMA Working Paper*, No. 11.
- Costinot A., Rodríguez-Clare A. (2014). Trade Theory with Numbers: Quantifying the Consequences of Globalization. In: Gopinath G., Helpman E., Rogoff K.S. (Eds.). *Handbook of International Economics*, pp. 197–261.
- Cuñat A., Zymek R. (2019). Bilateral trade imbalances. *Edinburgh School of Economics Discussion Paper* No. 292, August.
- Cuñat A., Zymek R. (2020). Hidden causes and hidden effects: Bilateral trade imbalances. VoxEU.org, February 17. <https://voxeu.org/article/bilateral-trade-imbances-hidden-causes-and-hidden-effects>.
- Delpeuch S., Fize E., Martin Ph. (2021). Trade imbalances and the rise of protectionism. VoxEU.org, February 12. <https://voxeu.org/article/trade-imbances-and-rise-protectionism>.
- Erceg C., Prestipino A., Raffo A. (2018). The Macroeconomic effects of trade policy. *International Finance Discussion Papers* No. 1242, December.
- Evenett S., Fiorini M., Fritz J., Hoekman B.M., Lukaszuk P., Rocha N., Santi F., Shingal A. (2020). Trade policy responses to the COVID-19 pandemic crisis: Evidence from a new dataset. *EUI Working Paper*, RSCAS 2020/78.
- Evenett S.J. (2019). Protectionism, state discrimination, and international business since the onset of the global financial crisis. *Journal of International Business Policy*, vol. 2, no. 10, pp. 9–36.
- Fajgelbaum P., Goldberg P.K., Kennedy P.J., Khandelwal A.K. (2020). The return to protectionism. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 135, no. 1, pp. 1–55.
- Furceri D., Hannan S.A., Ostry J.D., Rose A.K. (2018). Macroeconomic consequences of tariffs. *NBER Technical Report* No. 25402.
- Head K., Mayer T. (2014). Gravity equations: Workhorse, toolkit, and cookbook. In: Gopinath G., Helpman E., Rogoff K.S. (Eds.). *Handbook of International Economics*, pp. 131–195.
- Hoekman B. (2019). Urgent and important: Improving WTO performance by revisiting working practices. *Journal of World Trade*, vol. 53, no. 3, pp. 373–394.
- Hoekman B. (2020). WTO Reform Priorities post-COVID-19. *East Asian Economic Review*, vol. 24, no. 4, December, pp. 337–348.
- Hoekman B., Mavroidis P.C. (2021). Preventing the bad from getting worse: Is it the end of the World (Trade Organization) as we know it? *European University Institute (EUI) Working Paper*, RSCAS 2020/06, EUI, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, Global Governance Programme.
- Hyun J., Kim D., Shin S.-R. (2020). The role of global connectedness and market power in crises: Firm-level evidence from the COVID-19 pandemic. *Covid Economics. CEPR Press*, vol. 49, no. 1, September 18, pp. 148–171.
- Lynch D.J. (2020). Trump signs partial economic deal with China, calls trade pact a 'momentous step'. *The Washington Post*, January 16. https://www.washingtonpost.com/business/economy/trumps-new-china-deal-cements-emergence-of-managed-trade/2020/01/15/7892c446-372b-11ea-bf30-ad313e4ec754_story.html.

- Mattoo A., Rocha N., Ruta M. (2020). *Handbook of Deep Trade Agreements*. Wash., DC: The World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1539-3.
- Monacelli T., Perotti R. (2010). Fiscal Policy, the real exchange rate and traded goods. *The Economic Journal*, vol. 120(544), pp. 437–461.
- Wolfe R. (2018). *Is World Trade Organization information good enough?* Global Economic Dynamics Team, Bertelsman Stiftung.
- Yotov Y.V., Olivero M. (2012). Dynamic gravity: Endogenous country size and asset accumulation. *Canadian Journal of Economics*, vol. 45, no. 1, pp. 64–92.

References

- Aturin V.V., Grigoryan K.G. (2014). Krizis ekonomicheskoy nauki i interesy gosudarstva v usloviyakh finansovo-ekonomicheskoy globalizatsii [The crisis of economics and the interests of the state in the context of financial and economic globalization]. *Vestnik Universiteta*, no. 21, pp. 67–70.
- Kirillov V.N., Smirnov E.N. (2019). Traektoriya ustoychivogo rosta ili ocherednaya razbalansirovka mekhanizmov mirovoy ekonomiki [Trajectory of steady growth or next disbalance of mechanisms of the world economy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, vol. 12, no. 5, pp. 64–90. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-5-68-64-90>.
- Moga I.S. (2018). Osobennosti primeneniya zashchitnykh mer v RF v ramkakh chlenstva v VTO i EAES [Application features of protective measures of the Russian Federation in the framework of WTO membership and the Eurasian Economic Union]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo – Journal of Economy and Entrepreneurship*, no. 10(99), pp. 151–154.
- Smirnov E.N. (2021). Postpandemicheskie efekty dlya razvitiya mezhdunarodnoy trgovli [Post-pandemic effects on international trade]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik – Russian Foreign Economic Bulletin*, no. 2, pp. 7–20.
- Smirnov E.N., Luk'yanov S.A. (2019). Otsenka transformiruyushchego vozdeystviya global'nykh tsepochek sozdaniya stoimosti na mezhdunarodnyuyu trgovlyu [Assessment of the transforming impact of global value chains on international trade]. *Upravlenets – The Manager*, vol. 10, no. 3, pp. 36–46. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-3-4.
- Sosnov F.G., Pas'ko A.V. (2020). Onlayn-platfomy v sisteme sovremennoy mezhdunarodnoy tsifrovoy trgovli [Online platforms in the system of modern international digital trade]. *E-Management*, no. 2, pp. 63–69.
- Strelkova I.A., Strelkov A.V. (2019). Vliyanie tsifrovyykh tekhnologiy na dinamiku mezhdunarodnoy trgovli [The impact of digital technologies on the dynamics of international trade]. *Ekonomika ustoychivogo razvitiya – Economics of Sustainable Development*, no. 4(40), pp. 292–296.
- Alessandria G., Kaboski J.P., Midrigan V. (2010). The great trade collapse of 2008–09: An inventory adjustment? *IMF Economic Review*, vol. 58, no. 2, pp. 254–294.
- Amiti M., Redding S.J., Weinstein D. (2019). The impact of the 2018 trade war on U.S. Prices and Welfare. *NBER Technical Report*. DOI: 10.3386/w25672.
- Anderson J.E. (1979). A theoretical foundation for the gravity equation. *American Economic Review*, vol. 69, no. 1, pp. 106–116.
- Anderson J.E., Larch M., Yotov Y.V. (2020). Transitional growth and trade with frictions: A structural estimation framework. *The Economic Journal*, vol. 130(630), pp. 1583–1607.
- Anderson J.E., Van Wincoop E. (2003). Gravity with gravitas: A solution to the border puzzle. *American Economic Review*, vol. 93, no. 1, pp. 170–192.
- Baldwin R. (2009). The Great Trade Collapse: What caused it and what does it mean? VoxEU.org, November 27. <https://voxeu.org/article/great-trade-collapse-what-caused-it-and-what-does-it-mean>.
- Baldwin R. (2020). The Greater Trade Collapse of 2020: Learnings from the 2008–09 Great Trade Collapse. VoxEU.org, April 07. <https://voxeu.org/article/greater-trade-collapse-2020>.
- Barattieri A., Cacciatore M., Ghironi F. (2018). Protectionism and the business cycle. *NBER Working Paper* No. 24353.
- Bluedorn J., Leigh D. (2011). Revisiting the twin deficits hypothesis: The effect of fiscal consolidation on the current account. *IMF Economic Review*, vol. 11, no. 59, pp. 582–602.
- Brodzicki R. (2021). Global Trade Outlook for 2021. HIS Markit, February 03. <https://ihsmarkit.com/research-analysis/global-trade-outlook-for-2021.html>.
- Bussiere M., Fratzscher M., Muller G.J. (2010). Productivity shocks, budget deficits and the current account. *Journal of International Money and Finance*, vol. 29, no. 8, pp. 1562–1579.
- Comunale M., Dainauskas J., Lastauskas P. (2021a). Supply chains and trade flows volatility in the face of global shocks. VoxEU, March 09. <https://voxeu.org/article/supply-chains-and-trade-flows-volatility-face-global-shocks>.
- Comunale M., Dainauskas J., Lastauskas P. (2021b). What explains excess trade persistence?: A Theory of Habits in the Supply Chains. *CAMA Working Paper*, No. 11.
- Costinot A., Rodríguez-Clare A. (2014). Trade Theory with Numbers: Quantifying the Consequences of Globalization. In: Gopinath G., Helpman E., Rogoff K.S. (Eds.). *Handbook of International Economics*, pp. 197–261.
- Cuñat A., Zymek R. (2019). Bilateral trade imbalances. *Edinburgh School of Economics Discussion Paper* No. 292, August.
- Cuñat A., Zymek R. (2020). Hidden causes and hidden effects: Bilateral trade imbalances. VoxEU.org, February 17. <https://voxeu.org/article/bilateral-trade-imbalances-hidden-causes-and-hidden-effects>.
- Delpuech S., Fize E., Martin Ph. (2021). Trade imbalances and the rise of protectionism. VoxEU.org, February 12. <https://voxeu.org/article/trade-imbalances-and-rise-protectionism>.
- Erceg C., Prestipino A., Raffo A. (2018). The Macroeconomic effects of trade policy. *International Finance Discussion Papers* No. 1242, December.

- Evenett S., Fiorini M., Fritz J., Hoekman B.M., Lukaszyc P., Rocha N., Santi F., Shingal A. (2020). Trade policy responses to the COVID-19 pandemic crisis: Evidence from a new dataset. *EUI Working Paper*, RSCAS 2020/78.
- Evenett S.J. (2019). Protectionism, state discrimination, and international business since the onset of the global financial crisis. *Journal of International Business Policy*, vol. 2, no. 10, pp. 9–36.
- Fajgelbaum P., Goldberg P.K., Kennedy P.J., Khandelwal A.K. (2020). The return to protectionism. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 135, no. 1, pp. 1–55.
- Furceri D., Hannan S.A., Ostry J.D., Rose A.K. (2018). Macroeconomic consequences of tariffs. *NBER Technical Report No. 25402*.
- Head K., Mayer T. (2014). Gravity equations: Workhorse, toolkit, and cookbook. In: Gopinath G., Helpman E., Rogoff K.S. (Eds.). *Handbook of International Economics*, pp. 131–195.
- Hoekman B. (2019). Urgent and important: Improving WTO performance by revisiting working practices. *Journal of World Trade*, vol. 53, no. 3, pp. 373–394.
- Hoekman B. (2020). WTO Reform Priorities post-COVID-19. *East Asian Economic Review*, vol. 24, no. 4, December, pp. 337–348.
- Hoekman B., Mavroidis P.C. (2021). Preventing the bad from getting worse: Is it the end of the World (Trade Organization) as we know it? *European University Institute (EUI) Working Paper*, RSCAS 2020/06, EUI, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, Global Governance Programme.
- Hyun J., Kim D., Shin S.-R. (2020). The role of global connectedness and market power in crises: Firm-level evidence from the COVID-19 pandemic. *Covid Economics*. *CEPR Press*, vol. 49, no. 1, September 18, pp. 148–171.
- Lynch D.J. (2020). Trump signs partial economic deal with China, calls trade pact a 'momentous step'. *The Washington Post*, January 16. https://www.washingtonpost.com/business/economy/trumps-new-china-deal-cements-emergence-of-managed-trade/2020/01/15/7892c446-372b-11ea-bf30-ad313e4ec754_story.html.
- Mattoo A., Rocha N., Ruta M. (2020). *Handbook of Deep Trade Agreements*. Wash., DC: The World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1539-3.
- Monacelli T., Perotti R. (2010). Fiscal Policy, the real exchange rate and traded goods. *The Economic Journal*, vol. 120(544), pp. 437–461.
- Wolfe R. (2018). *Is World Trade Organization information good enough?* Global Economic Dynamics Team, Bertelsman Stiftung.
- Yotov Y.V., Olivero M. (2012). Dynamic gravity: Endogenous country size and asset accumulation. *Canadian Journal of Economics*, vol. 45, no. 1, pp. 64–92.

Информация об авторах

Information about the authors

Смирнов Евгений Николаевич

Доктор экономических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой мировой экономики и международных экономических отношений. **Государственный университет управления** (109542, РФ, г. Москва, Рязанский проспект, 99). E-mail: smirnov_en@mail.ru.

Лукьянов Сергей Александрович

Доктор экономических наук, профессор РАН, заведующий кафедрой мировой экономики и международных экономических отношений. **Государственный университет управления** (109542, РФ, г. Москва, Рязанский проспект, 99). E-mail: s.lukyanov@mail.ru.

Evgeny N. Smirnov

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Deputy Head of World Economy and International Economic Relations Dept. **State University of Management** (99 Ryazansky Ave., Moscow, 109542, Russia). E-mail: smirnov_en@mail.ru.

Sergey A. Lukyanov

Dr. Sc. (Econ.), Professor of the RAS, Head of World Economy and International Economic Relations Dept. **State University of Management** (99 Ryazansky Ave., Moscow, 109542, Russia). E-mail: s.lukyanov@mail.ru.